

Застигнутый врасплох тем, что их двусмысленная, слишком уж интимная поза предстала перед чужими глазами, Бай Шу на мгновение оцепенел. Не то чтобы он стыдился своих чувств к Хан Сиэню, вовсе нет. Но то, в каком виде их застали... да ещё и перед кем — ведь одним из незваных гостей оказался отец Сиэня, герцог Хань. Бай Шу, конечно, знал, что отношения между отцом и сыном хуже некуда и Сиэню плевать на чужое мнение, но в груди всё равно шевельнулась тревога.

Отвернувшись от Хан Чжо, Бай Шу так и остался стоять, склонившись над юношей и заглядывая ему в глаза. Хан Сиэнь даже бровью не повёл. Он мягко коснулся плеча Бай Шу, отстраняя его, неторопливо поднялся с кушетки и подобрал соскользнувший на пол плащ.

Бай Шу молча наблюдал за его неспешными, размеренными движениями. Для него в этой нежности не было ничего странного, но у Хан Чжо подобное хладнокровие вызвало бурю. Сын не набросился на слугу с бранью, не стал оправдываться, даже лица не изменил. Напротив — продолжал вести себя вызывающе близко прямо у всех на виду. Для старого герцога это могло означать лишь одно: этот парень для Хан Сиэня — не просто слуга.

Бай Шу был мужчиной, не гэером. Хан Сиэнь, наследник герцогского титула, — тоже. Столица Великой Чжоу всегда бурлила пороками; среди знати и императорской родни хватало пресыщенных господ с особыми пристрастиями. Те не жаловали ни женщин, ни кротких миловидных гэеров, предпочитая делить ложе с мужчинами суровыми, чьё лицо дышало волевой, резкой красотой.

Впрочем, подобных чудачков было немного, да и вопрос продолжения рода вынуждал их предаваться тайным утехам за закрытыми дверями, не осмеливаясь выставлять позор напоказ. Большинство столичных жителей относились к подобному с глубоким презрением, и Хан Чжо не был исключением. Он и помыслить не мог, что в его собственном доме взрастёт такое непотребство.

При мысли о том, какими грязными слухами теперь обрастёт имя дома Хань, у герцога спёрло дыхание, а грудь заходила ходуном от ярости.

В присутствии наследного принца Цзи Ло герцог отчаянно пытался сохранить отцовское величие, не желая становиться посмешищем для посторонних. Однако невозмутимый, даже дерзкий вид Бай Шу окончательно выжег остатки его хладнокровия.

Он шагнул к ним. Его и без того холодные глаза потемнели от злобы. Вперив ледяной взор в Бай Шу, Хан Чжо выплюнул:

— Мужчина, да ещё и отпрыск казнённого преступника... И у тебя хватает наглости соблазнять наследника герцогского дома? Рассчитываешь, что ради твоей смазливой морды мы станем хлопотать об обелении рода Бай? Какая низость! Опуститься до столь гнусных уловок — воистину, ты забыл, что значит мужская честь, бесстыдный паскудник!

Стоявший позади Цзи Ло, хоть и удивился увиденному, быстро взял себя в руки — рядом с Хан

Сизнем вечно творилось нечто невообразимое. Но слова герцога Ханя, столь оскорбительные и грязные, словно приравнивавшие Бай Шу к продажной девке, заставили принца поморщиться. Он невольно перевёл взгляд на Сизня, чьё лицо оставалось совершенно бесстрастным.

Бай Шу никогда в жизни не слышал в свой адрес подобных оскорблений. Кровь прилила к лицу, ладонь сама собой легла на рукоять меча на поясе. Он смерил герцога убийственным взглядом.

Заметив это движение, Хан Чжо презрительно хмыкнул:

— Что, угадал? Неужто господин Бай решится на убийство прямо на глазах у наследного принца, дабы скрыть свой позор? Какие бы грязные помыслы ни роились в твоей голове, помни: Хан Сизнь — наследник моего дома. Он вошёл в пору зрелости, и мы с его матерью уже подбираем ему достойную невесту. Если в тебе осталась хоть капля совести, убирайся из поместья Хань сию же секунду!

Герцог хлестал словами наотмашь, не заботясь в пылу гнева о приличиях. Цзи Ло сделал шаг вперёд и мягко, но твёрдо вмешался:

— Господин Хань, хотя в народе и говорят, что лучше один раз увидеть, нежели сто раз услышать, спешить с выводами не стоит. Нам надлежит выслушать обе стороны — и наследника, и господина Бая. Бросаться столь тяжкими обвинениями, пожалуй, преждевременно.

Все последние годы Хан Чжо тщетно пытался втереться в доверие к престолонаследнику, но тот неизменно держал его на расстоянии. Слова принца больно укололи самолюбие старого лиса, однако перечить будущему владыке он не посмел. Проглотив обиду, герцог процедил:

— Ваше Высочество правы. И хотя это дело касается лишь семьи Хань, я безмерно благодарен, что вы удостоили нас чести стать свидетелем сего бесчинства.

Затем он вновь уставился на сына, и в его глазах вспыхнул яростный огонь:

— Неблагодарный выродок! Перед лицом Наследного принца — отвечай, быстро! Всю правду говори!

Все взоры тут же скрестились на Хан Сизне. Бай Шу тоже затаил дыхание, ожидая его ответа.

Пока бушевала гроза и сыпались бранные речи, Хан Сизнь даже не пошевелился. Он так и лежал, полуприкрыв глаза, выказывая полное пренебрежение к происходящему — даже при появлении принца не соизволил подняться для приветствия. Яростный монолог отца не вызвал на его лице ни единой эмоции. Лишь теперь он лениво приподнял веки и протянул:

— А что тут говорить? То, что ты видишь, и есть правда. О чём ещё распинаться?

— Ты... ах ты дрянь паршивая! — у Хан Чжо от такой наглости помутилось в глазах. Сделав резкий шаг вперёд, он замахнулся, желая исполнить то, о чём мечтал все эти годы, — отвесить сыну хлесткую затрещину.

Но не успела его ладонь опуститься, как запястье мёртвой хваткой перехватил Бай Шу. В спешке парень не рассчитал силу. Раздался сухой, отчётливый хруст — сустав выскочил из паза. На лице Бай Шу промелькнуло мимолётное замешательство, но прежде чем герцог успел издать истошный вопль, телохранитель ловким, отточенным движением вправил кость обратно.

Двойная вспышка дикой, раздирающей боли заставила Хан Чжо побагроветь и зайтись беззвучным криком. С трудом лоя ртом воздух, он уставился на Бай Шу, лихорадочно соображая, как обвинить того в покушении на жизнь благородного господина. Но не успел он издать и звука, как Хан Сиэнь медленно сел. Окинув отца ледяным взглядом, он ровно произнёс:

— Господин герцог Хань, с каких это пор мои дела стали касаться вашей милости?

Цзи Ло только сейчас в полной мере осознал, что Сиэнь никогда не называл Хан Чжо отцом или папенькой. Лишь сухим, официальным титулом — «герцог Хань», словно наотмашь перерубая невидимые узы крови.

Юноша буравил отца пристальным взглядом, а его уста изрекали слова, от которых кровь стыла в жилах:

— Наш многоуважаемый герцог отродясь не отличался родительской заботой, отчего же сегодня в нём вскипела такая ревность к приличиям? Если вы считаете, что я пятнаю доброе имя вашего благородного дома, вам ничто не мешает вышвырнуть меня вон. Но коль зашла речь о бесстыдстве... Полноте. Ни мне, ни Бай Шу до вас далеко. Кто в этом подлунном мире истинно потерял стыд и совесть, так это человек, готовый ради чинов и богатства уморить собственную супругу и сжить со света родного сына. Не нахожу ли я понимания?

— К тому же вы — сановник первого ранга, а изволите изъясняться столь базарно, что любая баба из заднего двора, привыкшая плевать ядом на перекрёстках, позавидовала бы вашей низости. Куда девались ваши манеры и хвалёное благородство? Изрыгать столь гнусную брань в присутствии престолонаследника... Поистине, вы превзошли самого себя в искусстве портить людям настроение.

Голос Сиэня лился ровно, без единой фальшивой ноты, но каждый в комнате почуял, какой обжигающий холод дышит за этой маской. Внутренний гнев юноши осязался почти физически. Присутствующие замерли, терзаемые разными мыслями, и лишь в груди Бай Шу расцвела робкая, тёплая радость.

Когда с лица Хан Чжо столь бесцеремонно сорвали маску благочестия, он шумно, со свистом втянул воздух. Не в силах более смотреть на сына, он уставился на Бай Шу взглядом, способным заживо содрать кожу. В голове старого вельможи не укладывалось: гнусное, противоестественное непотребство, способное погубить любую репутацию, этот несносный мальчишка преподнёс так легко, словно обсуждал утренний чай.

Человеческая природа полна странностей. Ты можешь ненавидеть кого-то всей душой, желать его скорейшей кончины, но когда этот человек выбирает путь, идущий вразрез со всеми канонами общества, тебя душит бессильная, бешеная злоба. Должно быть, всё дело в ускользающей из-под контроля власти или в уязвлённой гордыне увядающего старца, чей авторитет растоптали.

В конце концов, багровый от унижения Хан Чжо, баюкая ноющее запястье, кое-как отвесил поклон Цзи Ло и поспешно ретировался. Хан Сиэнь лишь презрительно фыркнул ему вслед. Когда шаги отца затихли в отдалении, он повернулся к высокому гостю и равнодушно спросил:

— Чем обязан столь высокому визиту, Ваше Высочество? Неужто у Наследного принца нашлись дела на моей скромной окраине?

Причиной визита Цзи Ло было чрезмерное внимание императора к Хан Сиэню в последние дни. К тому же после недавнего погрома, учинённого уездным князем Юном в герцогской усадьбе, Хан Минчжу не могла навестить брата сама, и принц решил нанести дружеский визит лично.

У ворот его встретил Хан Чжо и, вопреки обыкновению держаться поодаль, навязался в провожатые до дворика Душистых Орхидей. Кто же знал, что эта прогулка обернётся для старого лиса таким потрясением.

Самого принца тайная связь между мужчинами мало заботила — в столице и не такое видывали. Тем не менее, он счёл нужным предостеречь приятеля:

— Твой родитель не из тех, кто легко проглатывает обиды. Если он решится пойти до конца и предать дело огласке, тебе несдобровать.

В конце концов, если отец подаст жалобу на сыновнее непочтение, закон и общество безоговорочно примут сторону старшего. А уж учитывая, что Бай Шу поднял руку на главу дома и покалечил его, даже перед лицом государя оправдаться не удастся.

— Пусть жалуется кому угодно, — безразлично отозвался Сиэнь. — Родительского гнева бояться лишь те, кому есть что терять — наследство, положение или благосклонность клана. Мне же до этого балагана нет дела. И этот титул, и само поместье для меня — пустой звук.

Глядя на это абсолютное, пугающее равнодушие, Цзи Ло лишь покачал головой. Мысленно он порадовался, что земля рождает подобных безумцев в единственном экземпляре, иначе

править государством стало бы решительно невозможно.

Слова Хан Чжо о женитьбе всколыхнули в памяти принца старые тревоги. В усадьбе маркиза Цзинго тоже не смыкали глаз: старая госпожа Ван годами пеклась о судьбе внука, смертельно боясь, что коварный зять подсунет наследнику в жёны какую-нибудь безродную девку ради собственной выгоды. Узнай старая женщина, какую партию выбрал себе её любимец на самом деле, выдержало бы её измученное сердце?

Цзи Ло беззвучно вздохнул. Сложным, нечитаемым взглядом он смерил невозмутимого юношу, а затем перевёл глаза на сияющего от счастья телохранителя. В его голосе зазвучали доверительные ноты:

— Я знаю, у тебя на всё свой расчёт. Но теперь ты в ответе не только за собственную шкуру. Подумай о тех, кто рядом. Если запахнет жареным и потребуется моя помощь — только шепни.

Сиэнь сразу понял, какую картину нарисовало себе воображение принца, но разуверять его не стал. Цзи Ло, убедившись, что хозяин дворика чувствует себя превосходно, засобиравшись восвояси, не желая мешать влюблённым. У самого порога он всё же не удержался от вопроса:

— И всё же... неужто так и непустишь сюда хотя бы пару служанок для приличия?

В ответ Сиэнь лишь одарил его таким тяжёлым взглядом, что принц благоразумно предпочёл ретироваться, дабы не искушать судьбу.

Когда за гостями закрылись ворота, Бай Шу робко придвинулся ближе. Виновато повесив голову, он тихо пробормотал:

— Сиэнь... Что нам теперь делать?

От этого жалобного тона у Хан Сиэня защемило в груди. Он вскинул на него взгляд и проворчал:

— А когда ты ему сустав выворачивал, о последствиях не думалось?

Бай Шу лишь ниже опустил голову и принялся ковырять носком сапога мелкую гальку на дорожке.

Глядя на это несчастное зрелище, Хан Сиэнь вздохнул, вновь откинулся на кушетку и закинул левую руку за голову. Прищурившись, он лениво протянул:

— Если наш достопочтенный герцог решит раздуть из этого пожар — что ж, тем лучше. Мне этот гадюшник и самому давно поперёк горла стоит.

<http://bllate.org/book/20088/2002099>